

«Зажечь критическую мысль»: дискуссии 1934–1935 гг. о романе А.Н. Толстого «Петр Первый»

© 2023, А.С. Акимова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются критические отзывы, посвященные выходу второй книги романа А.Н. Толстого «Петр Первый» в начале 1934 г., а также приводятся материалы трех дискуссий с участием московских и ленинградских критиков и историков. Анализируются основные вопросы, затронутые в дискуссиях: проблема жанра советского исторического романа, исторической концепции романа и образа Петра I. Две дискуссии о «Петре Первом» были инициированы московскими журналами «Октябрь» и «Литературный критик» в 1934 г., еще одна прошла в секции критиков Союза советских писателей в январе 1935 г., ее краткий обзор с выборочными цитатами был представлен в журнале «Литературный критик» (1935. № 2). В дискуссии приняли участие ведущие советские критики О.М. Брик, В.Р. Гриб, И.Л. Гринберг, В.А. Катанян, С.Д. Кржижановский, М.Ю. Левидов, А. Лежнев, Р.Д. Мессер, М.И. Серебрянский, В.Б. Шкловский и др. Более полные характеристики и оценки романа, высказанные в ходе обсуждения, зафиксированы в стенограммах, которые впервые вводятся в научный оборот, предворяя научную публикацию с развернутым комментарием и справочным аппаратом.

Ключевые слова: литературная критика, А.Н. Толстой, роман «Петр Первый», дискуссия об историческом романе.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Для цитирования: Акимова А.С. «Зажечь критическую мысль»: дискуссии 1934–1935 гг. о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 280–292. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-280-292>

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования» (<https://rscf.ru/project/23-18-00303/>).

Первая книга романа А.Н. Толстого «Петр Первый» была опубликована в журнале «Новый мир» в 1929–1930 гг., отдельное издание вышло в ноябре 1930 г. в издательстве «Прибой». Вскоре появились первые отклики писателей и критиков в периодике и в письмах (см.: [1]). В опубликованных в периодической печати шести рецензиях, посвященных роману Толстого, были предложены основные подходы к оценке романа и образа Петра I: концепция царя-одиночки, решение проблем современности на материале эпохи рубежа XVII–XVIII вв. (исторический параллелизм), роль «торгового капитала» в романе. Они получили дальнейшее развитие после публикации в «Новом мире» в 1933–1934 гг. второй книги романа¹.

Публикация второй книги «Петра Первого» началась со второго номера журнала². Одним из первых на выход начальных глав новой книги откликнулся А.О. Старчаков³. Он отмечал, что Толстой пытался преодолеть недостатки первой книги, среди которых критик называл слабо прописанную «буржуазно-демократическую» линию, бледность и эпизодичность вымышленных образов купцов и крестьян (Ивана Бровкина, купца Жигулина и др.)⁴. Впоследствии критик писал о том, что во второй книге автор полнее показал ««демократическую» линию романа» в истории семьи купца Бровкина, по-новому изобразил раскол в образах предпринимателя, хозяина скита Андрея Денисова и «преодолевшего сектантство» Андрея Голикова⁵. Другое важное отличие между первой и второй книгами, по мысли Старчакова, заключалось в изображении царя Петра: «От трагически-одинокого героя, титана, изнемогающего под бременем непосильного дела, обреченного на неудачу, в романе не остается и следа. В романе не только исторически обусловлено дело Петра, но и оправданы те огромные издержки, которыми сопровождалось это

¹ Отдельные главы и фрагменты второй книги «Петра Первого» публиковались с конца 1932 г. в таких периодических изданиях, как «Вечерняя Москва», «Огонек», «Литературный Ленинград», «Красная газета» и др. Авторская дата завершения работы над второй книгой 22 апреля 1934 г. Отдельным изданием она вышла в июне 1934 г. в ленинградском отделении Государственного издательства художественной литературы.

² Новый мир. 1933. № 2. С. 5–28.

³ См. также: [2, с. 106–115].

⁴ Старчаков А.О. Творческий путь Ал. Н. Толстого. Историческая проза // Новый мир. 1933. № 5. С. 274.

⁵ Старчаков А.О. «Петр I» Ал. Толстого. О второй части романа // Известия. 1933. 22 сентября. С. 4.

дело. Герой больше не одинок»⁶. «Меняется и самая историческая обстановка. В первой части романа мы видели Петра, идущего к власти. Во второй части дан разгром Петра при его первом вооруженном столкновении с Западом <...> Преодоление этого разгрома, подготовка к будущей борьбе в обстановке поражения, борьба с “паникерами и саботажниками” (выражаясь современными терминами) и является содержанием второй части», — заключал критик⁷.

Второй книге романа были посвящены еще две рецензии, опубликованные весной 1934 г.: З.Я. Штейнмана «Второй том “Петра I”»⁸ и Н.А. Коварского «Читая “Петра Первого”»⁹. А 16 мая 1934 г. в газете «Известия» было обнародовано Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г.¹⁰ Вслед за его появлением одна за другой вспыхивали дискуссии об историческом романе, главным «героем» которых неизменно становился роман Толстого «Петр Первый». Признавая важную роль исторических романов в «деле социалистического воспитания масс реалистическим, правдивым показом прошлого»¹¹, редакция московского журнала «Октябрь» признавала, что критика не уделяла должного внимания проблемам исторического романа, интерес к которому среди писателей и читателей возрос в последние годы. В дискуссии «Социалистический реализм и исторический роман», которую инициировал журнал «Октябрь», приняли участие историки (Г.С. Фридлянд, В.Т. Дитякин), литературные критики и писатели (Е. Вейсман, А. Лежнев, Д.П. Мирский, И.Н. Бороздин, Е. Ланн)¹².

Г. Фридлянд, говоря о соотношении между исторической наукой и художественным изображением эпохи, признавал, что исторический роман во все времена «был огромной остроты орудием политического воспитания широчайших масс»¹³. Он восторженно

⁶ Старчаков А.О. Творческий путь Ал. Н. Толстого. Историческая проза. С. 275.

⁷ Старчаков А.О. «Петр I» Ал. Толстого. О второй части романа. С. 4.

⁸ Штейнман З.Я. Второй том «Петра I» // Красная газета. Веч. выпуск. 1934. 7 мая. С. 2.

⁹ Коварский Н. Читая «Петра Первого» // Литературный Ленинград. 1934. 8 мая. С. 1.

¹⁰ Известия. 1934. 16 мая. С. 1.

¹¹ Октябрь. 1934. № 7. С. 195.

¹² Материалы дискуссии «Социалистический реализм и исторический роман» см.: Октябрь. 1934. № 7. С. 195–241.

¹³ Там же. С. 197.

отозвался о книге Толстого, называя ее образцом «талантливого исторического романа»¹⁴, однако отметил не отраженные на страницах произведения недавно обнаруженные факты о восстании рабочих судостроительных верфей, горожан и крестьян в эпоху Петра¹⁵, а также заметил, что писателю еще только предстоит овладеть жанром исторического романа, так как «вопрос о внутреннем отстранении прошлого, о его преодолении касается Толстого еще больше, чем Тынянова»¹⁶. Историк выделил ряд недостатков произведения: во-первых, «эпоха сведена автором в конечном счете к судьбе одного человека», Петра, фигура которого доминирует над другими лицами и событиями; во-вторых, вслед за М.Н. Покровским Толстой преувеличил роль торгового капитала в романе; в-третьих, писатель принизил роль Карла XII, этого «запоздалого средневекового рыцаря»; в-четвертых, показал народные массы «в виде изуверов, фанатиков, сектантов», среди которых нет индивидуальностей¹⁷.

Е. Вейсман назвал вторую книгу романа Толстого «гибридом», романом-хроникой и сюжетным романом: «Там драматизирована хроника до таких пределов, когда в ней самой начинает двигаться сюжет, как отражение судеб отдельных людей и не только одного Петра»¹⁸. В качестве исторических источников первой книги он выделил труды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, второй — Покровского¹⁹.

В. Ваганян говорил о «Петре Первом»: «Книга очень культурна, очень талантлива, проникновенна, художественна, я не намерен развенчивать Толстого. Но ее основная идея не порождена эпохой Петра, она — продукт наших дней, нашей революции, нашей практики <...> Солдат Петра Первого выглядит солдатом 1917 года, потому что сам Петр призван утверждать идею, порожденную нашей революцией в голове интеллигента-попутчика»²⁰. По мнению критика, «Петр Первый» — роман не исторический, так как в нем

¹⁴ Там же. С. 206.

¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 241.

¹⁷ Там же. С. 207. См. также: *Фридлянд Г.С.* Отразить величайшие мировые события в художественной литературе // За коммунистическое просвещение. 1934. 14 августа. С. 3.

¹⁸ Октябрь. 1934. № 7. С. 210.

¹⁹ Там же. С. 211. См. также: *Вейсман Е.* Медный всадник и Петр Первый // Литературная газета. 1934. 4 июня. С. 2–3; *Вейсман Е.* Петр Первый // Красная звезда. 1934. 17 июля. С. 3.

²⁰ Октябрь. 1934. № 7. С. 218.

решается нерешенный в романе «Восемнадцатый год» вопрос о количестве жертв ради революции: «Две части “Петра Первого” свидетельствуют, что Алексей Толстой нерешенный вопрос восемнадцатого года решил в том смысле, что есть обстановка, при которой можно принести огромные жертвы для реализации общественно необходимых целей»²¹. И «Петр Первый» и «Энергия» Ф.В. Гладкова, считал Ваганян, «одинаково ставят перед собой задачи сегодняшнего дня, одинаково решают их: один — на материале первой пятилетки, другой — на материале XVII–XVIII века»²². В том же видел «порочность» романа историк В. Дитякин, который считал, что «взятая Толстым тема (деятельность Петра Первого по перестройке России) для изображений коллизии современности, коллизии наших дней, дней пролетарской революции, не состоятельна, не подходит»²³.

В.А. Катанян в статье «Что, собственно, было?» обратился к выступлениям, прозвучавшим в ходе организованной «Октябрем» дискуссии, и высказал свое несогласие с выводом В. Ваганяна, который назвал роман Толстого не историческим: «Слишком конкретен исторический материал в романе, слишком много в нем истории, чтобы весь этот материал имел одно иллюстративное значение. Субъективно — в нем могут быть заложены и та современная проблема, о которой говорил тов. Ваганян, и еще какие угодно аналогии с современностью, но этим одним нельзя дезавуировать роман, как исторический. Объективно он им остается. Этим можно объяснить отдельные исторические ошибки Толстого, может быть общую его историческую концепцию. Полностью же “снять” историчность романа можно, только конкретно доказав, шаг за шагом, все его исторические неточности и искажения, доказав антиисторичность подхода автора к изображаемой эпохе»²⁴.

Д. Мирский назвал роман Толстого «неудовлетворительным», так как писатель «мог бы не путаться, не заблуждаться в трех соснах: Ключевского, Милюкова и Покровского, а сам решать — кто прав, и почему Покровский прав или не прав»²⁵. Предложенная критиком концепция «исторической аналогии» вызвала возражения

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 236.

²⁴ Знамя. 1934. № 11. С. 205.

²⁵ Там же. С. 223.

А. Лежнева, который отметил мастерство писателя в изображении эпохи: «Возьмите типы его купцов, возьмите годы молодости Петра, возьмите Карла XII, немецкую колонию в Москве — во всем этом есть определенный колорит эпохи»²⁶. Итоги дискуссии подвел Г. Фридлянд, отметив необходимость говорить о недостатках «талантливового» романа Толстого, «о той специфической гипертрофии идеи государственности, которая в “Петре I” заслоняет эпоху в ее конкретности»²⁷.

В 1934 г. статьей ленинградского критика Р.Д. Мессер «А. Толстой и проблема исторического романа»²⁸ московский журнал «Литературный критик» открыл дискуссию об историческом романе. Р. Мессер оправдывала многочисленные описания казней и пыток в первой книге тем, что, в отличие от трагедии Толстого «На дыбе», в романе «все жестокости Петра, все его расправы крепко связаны с характером всей его деятельности»: «Хруст ломающихся костей — естественный для эпохи аккомпанемент, под который становилась на ноги власть русского торгово-феодалного капитала. Зверства даны именно как типические обстоятельства. Через них реализована мера классово-исторической ограниченности европеизаторской деятельности Петра, деятельности в рамках крепостнических отношений, в целях их укрепления, а не ломки»²⁹. Большое внимание критик уделила образу Петра. Говоря об изображении Толстым его «трусливости, эпилептической дрожи, слез бессильной злобы», критик отмечала «нагромождение его зверств и эпилептических выходов», но без «следов физиологического натурализма»: «Самое замечательное для романа в личном облике Петра — рост его личности, вытекающий из этапов роста его самосознания и практики. Сначала — он тщедушный, тонконогий неврастеник, потом растет в нем мелкое самолюбие вместе с трусостью и звериной жадной жизни и власти. Потом — цинизм, вероломство и рядом — страстность, настойчивость, историческая сознательность»³⁰. Писала Р. Мессер и о развитии техники

²⁶ Там же. С. 225.

²⁷ Там же. С. 241.

²⁸ Литературный критик. 1934. № 5. С. 89–112.

²⁹ Мессер Р.Д. А. Толстой и проблема исторического романа // Литературный критик. 1934. № 5. С. 26; см. также: Мессер Р. Борьба за стиль. Л.: ГИХЛ, 1934. С. 177–209.

³⁰ Литературный критик. 1934. № 5. С. 27; см. также: Мессер Р.Д. А.Н. Толстой. Критический очерк. Л.: Худож. лит., 1939. С. 88.

как основе реформ Петра, что поддержал в своем отзыве о романе В. Мицкихин³¹.

Другой участник дискуссии, М.Ю. Левидов, приводил мнения читателей, которые считали вторую книгу романа слабее первой, что, на его взгляд, неверно, так как обе книги одинаковые, равнозначные, во второй книге даже меньше стилистических погрешностей³². Сравнивая «Петра Первого» с «Войной и миром» Л.Н. Толстого, критик писал, что произведение А.Н. Толстого выигрывает оттого, что помимо большого количества исторического материала — путеводной нитью, соавтором писателя была «эпоха, мудрость эпохи, мировоззрение эпохи»: «Мировоззрение эпохи — вот эта нить, марксистский метод видения истории, осознания событий прошлого, понимания ушедшего с точки зрения сущего, приближения века биноклем дня, — вот соавтор Толстого Алексея. Уберегает этот соавтор от капризного субъективизма, спасает от дешевого скептицизма, гарантирует от вялого квиетизма. И обеспечивает ясность целевой установки»³³. По мнению М. Левидова, в изображении Петра и, в частности, его исторического масштаба, нет пушкинской романтико-героической традиции и «толстовский Петр — не пушкинский Петр, не “весь как божия гроза”»³⁴. Отказался Толстой и от следующей за пушкинской традицией, толстовской, в изображении исторических лиц — метода снижения, который классик применил к образу Наполеона (пример, описание «жирной спины» Наполеона), в то время как современники Толстого — Д.С. Мережковский и М.А. Алданов — в своих исторических романах его использовали³⁵.

В начале января 1935 г. в секции критиков Союза писателей СССР состоялись две дискуссии о романе «Петр Первый». Стенограммы заседаний от 9 и 16 января 1935 г. сохранились в РГАЛИ³⁶. Вел оба заседания редактор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ) И.М. Беспалов. В дискуссии 9 января принимали участие критики О.М. Брик, В.А. Катанян, С.Д. Кржижановский,

³¹ Мицкихин В. Политика обращена в прошлое // Профработник. Новосибирск, 1934. № 16. С. 36.

³² Левидов М.Ю. Алексей Толстой и его соавтор // Литературный критик. 1935. № 2. С. 136.

³³ Там же. С. 137.

³⁴ Там же. С. 140.

³⁵ См.: Там же. С. 141.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. 67 л.; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 40. 79 л.

М. Левидов, А. Лежнев, М.И. Серебрянский, В.Б. Шкловский, историк Г. Фридлянд. На втором заседании присутствовали московские (В.Р. Гриб) и ленинградские критики и филологи (И.Л. Гринберг, И.М. Зельцер, Р.Д. Мессер), а также литературовед, редактор Ленинградского отделения ГИХЛ Л.В. Цырлин.

Оба «диспута» осветил в обзорной статье журналист Я.Н. Эйдельман. Выступавшие В. Гриб, И. Беспалов, А. Лежнев, Р. Мессер, В. Гоффеншеф, В. Дынник, М. Серебрянский, В. Ермилов, Г. Серебрякова и др., по сообщению Эйдельмана, говорили не только о причинах ошибок Толстого, но и отметили «положительную тенденцию его художественного развития»³⁷. Другие — О. Брик, М. Левидов, Г. Фридлянд, В. Черняк, В. Шкловский, В. Катанян, И. Зельцер — «Петра Первого» не приняли. «Это не исторический роман — это лишь фантазия на историческую тему», — приводил слова Брика Эйдельман³⁸. Основная претензия Брика к произведению заключалась в отсутствии в нем идейной концепции: Петр в романе, на взгляд критика, — царь-одиночка, так как другие фигуры не имеют самостоятельного значения.

Открывая дискуссии 9 января, Брик говорил о «Петре Первом»:

Роман Толстого, по-моему, написан с большим художественным мастерством. Очень интересен, очень увлекает, пользуется большим успехом в широких читательских кругах. Его читают, мало интересуясь соответствием повествования с фактами исторической действительности. Его читают, увлекаясь красочностью персонажей и их деятельностью. В героях романа видят, может быть, не исторических деятелей, видят вообще людей того времени, и, если бы это было просто фантазия на исторические темы о людях малоизвестных, вымышленных, о событиях не обязательно исторических, то, может быть, это, как вещь, характерная для эпохи, в какой-то части и могла бы иметь свое значение, но, поскольку Толстой сам подчеркивает и исторические события и персонажи, подчеркивает, что имеет дело с историческими событиями и людьми, такого рода неправдоподобная и неверная историческая концепция лишает роман того значения, который он мог бы иметь. Это фантазия на исторические темы, но не исторический роман³⁹.

³⁷ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц // Литературный критик. 1935. № 2. С. 253.

³⁸ Там же. С. 254.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 12–13.

Развивая идею, предложенную еще И. Гринбергом в статье 1932 г., об обреченном на одиночество «человеке-герое, о создании которого мечтает А.Н. Толстой»⁴⁰, Брик назвал свой доклад «Повесть о царе-одиночке»:

Все остальные фигуры, выведенные в романе, никакой самостоятельной жизни не имеют. Они существуют, как будто только для того, чтобы еще лучше оттенить одиночество Петра. И благодаря этому вся концепция романа, историческая концепция получается чрезвычайно упрощенной, получается так, что есть Петр, великий преобразователь, около него несколько иностранцев и кучка случайных сподвижников-авантюристов <...> Только какие-то безродные деклассированные проходимцы и т. д. приветствуют преобразования Петра⁴¹.

Предваряя дальнейшие выступления, И. Беспалов сформулировал основные вопросы для обсуждения. Во-первых, вопрос о жанре исторического романа: насколько роман Толстого соответствует историческим материалам; во-вторых, каким должен быть советский исторический роман; в-третьих, вопрос о теме романа, о концепции: «есть там концепция — нет концепции»⁴². «Это три наиболее важных вопроса, которые должны зажечь критическую мысль», — попыток-жил он.

М. Левидов считал, что Петр не является героем романа, и называл произведение Толстого — «романом без героя», при создании которого автор увлекся методом карикатурного снижения образа, используя физиологические и натуралистические детали, не показал Петра, «познавшего необходимость преобразований и сумевшего эти преобразования совершить»⁴³:

Вы назвали это романом царя-одиночки. Если бы я хотел названием выразить свою мысль, я бы сказал — это роман без героя.

«Петр I» Толстого представляется мне потому неудовлетворительным, что там нет Петра. Там есть человек, называющийся

⁴⁰ Гринберг И.Л. Заметки о творчестве А.Н. Толстого (от «Петра Первого» до «Путешествия в другой мир») // Звезда. 1932. № 7. С. 185.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 17.

⁴³ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 254; см. также: Левидов М.Ю. Алексей Толстой и его соавтор. С. 130–150.

Петром, но нет подлинного Петра. И вот об этом позвольте мне сказать. Очень много социальной среды, очень хорошо дана социальная среда, и абсолютно отсутствует герой. Для меня и, я думаю, не только для меня, но и для многих других, основной жанр — не то, что жанр, а основной метод, которым надо работать исторический роман — это метод марксистский, который в данном случае в чем заключается? Как надо этот метод приложить к материалу, которым пользовался Толстой <...>

Я заметил, при каждом появлении Петра оно сопровождается либо тем, что у него конвульсии, либо у него грязные ногти или штанина порвана, или он рагочет, ощерился и т. д. Нет ни одного появления Петра, которое не было бы снижающей натуралистической деталью. И это у него снижающая деталь. Нет ни одного появления Петра, где бы он не был в этом смысле ошельмован. В самой трагичной обстановке: столкновение с действительностью, с боярами, с собственной женой, он дает Петра таким образом — карикатурно сниженным⁴⁴.

В. Шкловский обвинил Толстого в незнании истории России XVII в., ее технической оснащенности, в приверженности писателя «традиционной версии о второсортной стране», из которой «не вытекает Октябрьская революция»⁴⁵. Он говорил:

Полное незнание истории, конкретной истории, что такое была Россия 17-го века и ее недооценка и заодно недооценка Петра, но он лучший человек этой эпохи. Поэтому и производит впечатление некоторой двойственности. Двойственности никакой нет. Дикая, плохая страна с историческим Петром, который старается подтянуться. Полное непонимание⁴⁶.

В заключение Шкловский добавил об авторе «Петра»: «В то же время — это страшно талантливый человек. Этот роман для него не халтурный»⁴⁷.

В. Черняк полагал, что идейная концепция в романе есть, но она восходит к буржуазной историографии⁴⁸. В выборе фактов Толстой

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 22–23, 28.

⁴⁵ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 254.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 39. Л. 66.

⁴⁷ Там же. Л. 67.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 40. Л. 4.

идет за С.Ф. Платоновым, в их освещении — за С.М. Соловьевым, метод снижения, натуралистическое изображение Петра заимствует у К. Валишевского. Р. Мессер не соглашалась с позицией «зубодробительного отношения к роману А. Толстого «Петр I»». В стенограмме дискуссии от 16 января приведены ее слова:

Я лично считаю, что в романе «Петр I» есть позиция, есть историческая концепция, носящая очень конкретный характер, реализованная в обрисовке персонажей, ситуаций и разработанная в сюжете романа.

«Петр I» — роман, большой по объему поднятых проблем. Недаром на его материале возникла возможность постановки общих проблем советского исторического романа. Этот роман играет роль как звено в цепи творчества А. Толстого. Это не праздный вопрос, а вопрос, относящийся к ряду проблемы исторического романа⁴⁹.

Достоинствами романа Мессер называла новый подход в соотношении хроники и драматургии, «т. е. в соотношении роли очень известных исторических событий и судеб индивидуальных, вымышленных или невымышленных героев»⁵⁰, и работу автора с исторической деталью, которая подчинена концепции романа (в качестве примера критик привела по-разному функционирующие в тексте батальные сцены)⁵¹. Однако, Мессер, «наиболее горячий защитник романа»⁵², признавала ограниченность исторической концепции автора: Толстой, по ее мнению, «не продумал до конца роль крестьянской революции в петровскую эпоху»⁵³.

Итоги дискуссии подвел И. Беспалов. Он отметил плодотворность сотрудничества историков и критиков в обсуждении проблем исторического романа, выразил надежду на привлечение писателей к дальнейшим дискуссиям и напомнил вопрос критика Л. Цырлина, оставшийся без ответа:

...почему появилось такое большое количество исторических романов и даже в Ленинграде, как он говорит, 3/4 писателей пишут исторические романы.

⁴⁹ Там же. Л. 12.

⁵⁰ Там же. Л. 23.

⁵¹ Там же. Л. 29–30.

⁵² Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 254.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 40. Л. 33.

(С места: Потому что о прошлом врать можно, а о современности нельзя.)

Я думаю, что это объясняется не этим, а какими-то другими интересными и важными причинами⁵⁴.

В дискуссиях 1934–1935 гг. лейтмотивом звучала мысль о том, что роман Толстого «Петр Первый» популярен, его читают, спрашивают в библиотеках, однако чем вызвана такая любовь народа к произведению без «твердой исторической концепции», не построенному «на фундаменте марксистско-ленинской теории»⁵⁵, — критики не могли объяснить. Не пытаясь разгадать тайну читательской любви, В. Катанян констатировал: «Конечно, Петра Первого у нас будут знать больше по Алексею Толстому, чем по Покровскому; Пугачева знают больше по “Капитанской дочке”, эпоху 1812 года — по “Воине и миру”; покорение Кавказа — по Пушкину, Лермонтову, Толстому. С этим фактом нельзя не считаться...»⁵⁶.

Литература

1. Акимова А.С. «Старался тот же Алексей...»: историческая концепция первой книги романа А.Н. Толстого «Петр Первый» в оценке советской критики // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69, № 4. В печати.

2. Старчаков А.О. Ал. Н. Толстой. Критический очерк. Л.: ГИХЛ, 1935. 116 с.

Research Article

“To Spark the Critical Idea”: Debates on A.N. Tolstoy’s Novel *Peter the Great* in 1934–1935

© 2020. Anna S. Akimova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: This study supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00303 “Soviet Historical Narrative of the 1920s–30s: Content, Actors and Construction Mechanisms” (<https://rscf.ru/project/23-18-00303/>).

⁵⁴ Там же. Л. 79.

⁵⁵ Эйдельман Я.Н. Москва за месяц. С. 255.

⁵⁶ Катанян В.А. Что, собственно, было? // Знамя. 1934. № 11. С. 203–204.

Abstract: The article examines the literary and critical reviews devoted to the publication of the second book of the novel by A.N. Tolstoy *Peter the Great* in early 1934, as well as the materials of three discussions with the participation of Moscow and Leningrad critics and historians. The article discusses the main issues raised in the discussions, such as the problem of the genre of the Soviet historical novel, the historical concept and the image of Peter I. Two discussions about the historical novel *Peter the Great* were proposed by the Moscow journals *October* and *Literary Critic* in 1934. The other was held at the critics section in the Union of Soviet Writers in January 1935. Its brief review with selected quotations was published in the *Literary Critic* journal (1935, no. 2). More complete characteristics and assessments of the novel expressed during the discussion, which was attended by leading Soviet critics O.M. Brik, V.R. Grib, I.L. Grinberg, V.A. Katanyan, S.D. Krzhizhanovsky, M.Yu. Levidov, A. Lezhnev, R.D. Messer, M.I. Serebryansky, V.B. Shklovsky, etc. are introduced for the first time in scientific circulation, anticipating the publication of transcripts with scientific commentary and reference apparatus.

Keywords: literary criticism, Aleksey N. Tolstoy, the novel *Peter the Great*, debates on the historical novel.

Information about the author: Anna S. Akimova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.kimova@mail.ru

For citation: Akimova, A.S. “‘To Spark the Critical Idea’: Debates on A.N. Tolstoy’s Novel *Peter the Great* in 1934–1935.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 280–292. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-280-292>

References

1. Akimova, A.S. [“‘The Same Alexey Wrote...’: The Historical Concept of A.N. Tolstoy’s First Book *Peter the Great* in the Assessment of Soviet Criticism”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 69, no. 4, 2023. In print. (In Russ.)

2. Starchakov, A.O. *Al. N. Tolstoy. Kriticheskii ocherk* [A. N. Tolstoy. *Critical Essay*]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1935. 116 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.05.2023

Одобрена после рецензирования: 14.06.2023

Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 12.05.2023

Approved after reviewing: 14.06.2023

Date of publication: 25.09.2023